

МИХАИЛ ТУРБИН ВЫШЕ НОГИ ОТ ЗЕМЛИ

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

*Блестяще написанный, страшный
и увлекательный роман.*

Марина Степнова

Актуальный роман

Михаил Турбин

Выше ноги от земли

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Турбин М.

Выше ноги от земли / М. Турбин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Актуальный роман)

ISBN 978-5-17-150356-7

Михаил Турбин родился в 1986 году в Великом Новгороде. Публиковался в журналах «Волга», «Знамя», «Этажи», сборнике рассказов «Счастье-то какое!». Лауреат премии журнала «Знамя» и премии для молодых писателей «Лицей-2022». Илья Руднев — талантливый врач детской реанимации. Он упорно, иногда без надежды на успех, бьется за хрупкие жизни. Это не просто работа — со смертью у Руднева личные счеты. Год назад в один день он потерял жену и сына. Руднев старается забыть в работе, вынырнуть из чувства вины, и это почти получается, но однажды скорая привозит в больницу мальчика, который как две капли воды похож на погибшего сына.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150356-7

© Турбин М., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	20
5	24
6	27
7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Турбин

Выше ноги от земли

Художник Елизавета Корсакова

Издательство благодарит литературное агентство «Banke, Goumen & Smirnova» за содействие в приобретении прав.

© Турбин М.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.*

А. С. Пушкин

1

В палате погасили верхний свет и зажгли три мрачных рефлектора. Руднев подвинул стул к дальней койке, но долго не садился. Он пристально смотрел на монитор, в котором распускались пестрые нити.

– Илья Сергеич, вы тут будете? – послышалось сзади.

Руднев обернулся. За дежурным столиком под горящим колпаком лампы работала сестра.

– Я выбегу ненадолго, можно?

Он кивнул, и медсестра вышла в коридор. Сквозь стеклянную стену Илья видел ее довольный профиль, следил, как она распустила волосы и, закусив шпильки, снова собрала их в ком. Оставшись один, Руднев тяжело опустился на стул, ссутулился до острых позвонков и принялся гладить руку ребенка, неподвижно лежащего под простыней. Это был мальчик четырех лет с крохотным несчастным лицом.

Под стиснутыми веками Руднев видел истекший день и последнюю свою операцию.

Вот он включает наркозный аппарат, проверяет подачу кислорода. Маша раскладывает на столике катетер, переходники, ларингоскоп.

– Все собрала? – спрашивает Илья медсестру.

– Какую трубку готовить?

– И откуда мне знать? Ты видела пациента? И я нет.

Маша, юная и звонкая, с розовыми от волнения щеками, ждет еще и еще глубокого голоса врача. «Она молодец, – думает Илья. – Вечно молодец. За что гоняю?»

– Возьми пятый размер и четыре с половиной, – холодно говорит и уходит.

Вот он летит по коридору к шумному свету приемного отделения. Его встречают санитар и травматолог. И Заза – хирург. Лысый, страшно бровастый. Илья подходит к нему и протягивает руку.

Слышна сирена. Звуки все ближе. Раздается резкий хлопок отскочивших от каталки дверей. В приемное вваливается бригада скорой.

На носилках – ребенок. Он без сознания. Липкий пот на лбу, губы густо-синие. Руднев сжимает вялое запястье мальчика и чувствует, как от холода детского тела, от тишины его пульса внутри него самого разгоняется сердечный бой и в голове, такой вдруг чистой, строятся мысли.

Ребенок хрипит, вдох его частый.

– Почему не интубировали? – спрашивает Илья, роняя голову мальчика набок.

– Так некому было! – отвечает фельдшер, щуплый, легкий парень с редкой бородкой. Кажется, не он гонит каталку, а каталка несет его за собой. Фельдшер торопится, теряет слова.

– Травма... живота. Кровит внутри. Давление...

– Давайте сразу на стол! Какая операционная готова? – спрашивает Заза.

– Везем в третью, – отвечает Руднев.

– Как угораздило?

– Сбили. На московской трассе.

– Что он там делал? – Заза глядит на фельдшера из-под недобро сошедшихся бровей.

Бородка у парня дергается.

– А мне откуда знать?

Колеса скользят с металлическим шелестом.

– Как зовут? – спрашивает Илья после всеобщего молчания.

– Чего докапываетесь? Мы привезли – вы разбирайтесь.

Заза теснит Руднева плечом:

– Илюх, на твоего похож, да?

Каталка заезжает в лифт. Заза поворачивается к фельдшеру и говорит через смыкающиеся двери:

– У него такой же был. Один в один.

Лифт тянет каталку на второй этаж.

Илья в маске. Пациент переложено на операционный стол. Звуки аппаратные: туи-туи. Маша цепляет датчики ЭКГ и сатурации, трещит упаковкой интубационной трубки.

Илья наклоняется с ларингоскопом над запрокинутым детским лицом. Волосы золотые – пух. Глазки под веками, знает Илья точно, – сизые.

– Широко.

Маша дает меньшую трубку. Слитый с анестетиком кислород заполняет легкие.

Сестра лаборатории ждет, когда Руднев поставит центральный катетер. Илья с иглою висит над ключицей ребенка. Сестра семенит к нему, забирает шприц с кровью.

Входят хирурги – несут перед собой руки. Заза и с ним второй, толстяк с физиономией, стянутой маской, и воспаленным увесистым лбом.

– Можете, – говорит Илья неподвижным голосом и фиксирует интубационную трубку.

Особенно тихо. Туи-туи. Заза делает долгий разрез. Из брюшины через сечение потоком прорывается скопившаяся кровь. Кожа, белая, как просветы среди ветвей, тонет под бурым и красным. Кровь стекает по простыням, льется на пол. Кисло пахнет рваной кишкой. Маша кидается помогать. Звенит лотками санитарка. Лотки полны скользких сгустков. Заза держит руку внутри пациента. Он нашел источник кровотечения, он тащит селезенку.

– Четвертая отрицательная, – объявляет сестра, щелкая дверью. – Четвертая отрицательная!

– Что по банку?

Не было, помнит Руднев.

– Нету у нас! – говорит сестра.

– Запрашивай со станции. Реинфузия невозможна. Шестьсот миллилитров, – прочным тоном говорит Илья.

Его стерильный взгляд сторожит приборы. Строчит нить пульса. Давление такое, что кардиотоники не выручают. Мальчик ухушается.

Руднев смотрит на время. В голове его вертится очевидное: ни в трепете лезвий, ни в препаратах, бегущих по венам, без четвертой отрицательной спасения нет.

Заза работает в ровном темпе: грубо оттаскивает, фиксирует, берет новый скальпель. Маска ходит от дыхания, очки сползают с крутой переносицы. Второй хирург пыхтит рядом. От напряжения он уже пунцовый, как говяжий ломоть на углях.

Привезли кровь. В ярком свете она кажется темным маслом. Илья начинает переливание, кровь заполняет гибкие трубки.

– А ты лещей на что брал? – спрашивает Заза.

– Главное – не на что, а где! – отвечает второй хирург.

– Этого ты мне точно не скажешь.

Маша улыбается под маской. Она знает: когда хирурги шутят – дело идет гладко.

– Бедный, бедный! Где мать была? – будто получив разрешение, стрекочет санитарка.

А Руднев, он молча глядит на ребенка. Следует за ним по пятам. И все дальше влечет Илью в теплый сон. Нет гадкого запаха анестетика, нет многоглазой операционной лампы, вместо нее – низкое солнце. И мальчик с удочкой на плече весело идет под тем солнцем. Вдалеке, над полем растекается озеро. Вода слепит, и малыш морщится. Он оборачивается. В пушистом контуре горящих волос Руднев видит радостный детский лик. «Туи-туи, папа. Туи-туи!» – говорит мальчик.

– Илья Сергеич! Руднев открыл глаза. Он сидел в палате интенсивной терапии, сжимая крохотную руку пациента. Рядом с ним стояла Маша.

– Еле вас дотолкалась! Там в ординаторской чепэ.

– Ну что стряслось? Опять пакетик чая до урны не донесла?

– Окно взорвалось. Илья Сергеич! Я сидела, и вдруг бац! – шептала Маша со страхом. От слов ее пахло кофе.

– Да нет, не взорвалось. – Руднев вошел в ординаторскую и присел на корточки, увидел что-то. – Разбили!

Он взвесил на ладони камень, который вытащил из-под стола. Таким и убить можно. Придавил им стопку медкарт на столе. Потом перевел взгляд во двор. У кирпичного забора между матовых от тумана машин рыскала худая собака. Она подбежала к человеку, курящему у черного входа. Человек через затылку перенес сигарету в левую руку и потрепал мокрую холку пса.

– Ну что там? – спросила Маша из-за плеча, нежно касаясь поясницы Руднева.

– Там? Живо дер бычки о щенка тушит.

– Ой, что?!

Сестра поднялась на носки и увидела во дворе Зазу, ласкающего дворнягу. Пес радостно ходил пружиной, то припадая к ноге врача, то зависая на задних лапах под его доброй рукой. Маша улыбалась. И Руднев видел ее улыбку в двоящемся отражении черного окна. Он развернулся, и Маша, оказавшаяся наконец так тесно к нему, ловко поймала его взгляд. Но Илья глядел безучастно и твердо. Он скрестил на груди руки, посмотрел опять в бледно-карие глаза медсестры, беспомощные и мягкие, как вишня, выловленная из компота. Маша опустила их и прожевала улыбку.

– Поспи, если хочешь.

Она замотала головой:

– Как-то страшно теперь.

– Не бойся. Хулиганы какие-то. Наверное, сами испугались.

Этих слов ей не хватило.

– Весь день сегодня какой-то странный, – сказала Маша после паузы. – И вы... Я хотела спросить... Вы из-за того мальчика грустный такой?

– Родители не объявлялись?

– Нет, не было никого.

– Это даже смешно. У меня дома, на балконе, тоже выбито окно, – сказал Руднев. – Все не соберусь вставить.

Он отклонился и заглянул через плечо. Увидел первые голубоватые отблески на влажном асфальте. С крыш и деревьев сыпались капли. У крыльца сидел одинокий пес и смотрел на запертую дверь.

К восьми утра, когда Илья уже был одет в гражданское и готовился уходить, в ординаторскую вкатился маленький, но очень грузный полицейский. Не поздоровавшись, он сел к столу.

– Вы к кому?

Полицейский покрутил огромной головой.

– Я подожду здесь. Ты занимайся... Есть вода?

Руднев поднес стакан воды. Полицейский жадно выпил. На тугой в груди, несвежей рубашке расплзлось мокрое пятно.

– Вы к кому? – повторил вопрос Илья.

– Врача жду.

– Я врач.

– Ах ты! Так что молчишь? Садись, разговор есть.

Руднев сел напротив и попытался заглянуть в обрюзгшее лицо гостя. Полицейский разложил папку, достал оттуда анкетные листы.

– Капитан Бырдин, – представился гость. – Ребенок поступал?

– Поступал.

– После аварии?

– После аварии.

– Так... Мне нужна его фотография.

– Он в реанимации, на аппарате искусственной вентиляции легких.

– А нельзя на минуту отключить эти ваши свистелки-перделки?

– Нельзя.

Бесцветными глазами капитан обвел комнату.

– А что с окном?

– Разбито.

– А нельзя заткнуть чем-то? В спину дует.

– Заткните, – ответил Руднев, подумав, что громадная голова полицейского как нельзя лучше подошла бы для этого дела.

– А ты чего такой?

– Какой?

Капитан Бырдин еще больше приплюснулся. Он надул шею и сделал такой взгляд, будто в эту секунду придумывал для непокорных новые пытки. Рудневу играть в гляделки быстро надоело, и он поднялся из-за стола.

– Имя, фамилия, отчество! – опомнился полицейский.

– Илья Руднев Сергеевич.

Капитан записал в том же порядке.

– Возраст.

– Тридцать пять лет.

Он отложил ручку, смял лист. Достал новую форму.

– Давай заново. Ф.И.О. и возраст *ребенка*.

– Это вы у меня спрашиваете?

– А у кого ж?

– Я не знаю.

– Почему до сих пор не выяснил? – спросил капитан совершенно серьезно.

– Занят был, – ответил Руднев.

Полицейский постучал ручкой по столу.

– Так иди и выясни!

– Как прикажете, – кивнул Руднев и ушел.

Он вышел из больницы под мыльное небо и подумал, что скоро снова польет дождь и голова опять разболится от недосыпа. Вокруг него было привычное утро: исхоженные тропинки, линия каменных корпусов и тополя больничного сквера.

Оранжевый дворник сметал лужу. Из его кармана, раскалывая телефонный динамик, звучал восточный мотив. Дворник попросил закурить. Руднев развел руками.

2

Илья поднялся в пятом часу. Снов он не видел. Открыл глаза – а день уже к закату.

В окно с улицы тянуло влагой. От дождя, что ли, так?.. Он потер виски. Отдых не дал ему ничего – только плечо отлежал. Все та же усталость, головная боль.

Илья собрал сумку, решив ехать в деревню и побыть денек на воздухе. Деревня стояла километрах в тридцати и у городских последние годы была популярна. Люди скупали участки, обносили их двухметровыми стенами из профнастила, а потом ездили в эти ящики отдыхать. Руднев на краю той деревни имел бревенчатый дом, из которого сам был родом и который остался ему от отца.

Он слез с автобуса и пошел по грязной вытопанной траве. Глядел только под ноги. Ботинки миглом промокли и потемнели. А когда тропинка увела его сквозь ушко тугого пролеска, Руднев не видел уже и ботинок – так стало черно. Свет фонарей не дотягивал, а луна была скрыта тучей. Но и в темноте он хорошо знал короткий путь до отцовского дома. И чем глубже он уходил, тем слаще пах воздух, и все ближе подбиралось неизменно знакомое ощущение нежной тоски. В сумке позвякивали две бутылки вина, и от случайного звона он замедлял шаг. Илья старался идти плавней, как черный призрак в черной чаще, благородный в своей попытке быть незаметным.

Он выбрался из пролеска, и впереди опять показался влажный блеск фонаря. Вместо тех изб и тех дворов, среди которых гулял он в детстве, стояли заборы, за заборами виднелись темные крыши. Улицу залили асфальтом, слепили пластиковый магазин. Дома стояли пустые. Все это были дачи, оживающие к выходным редкими сытыми голосами и лаем домашних псов. За дачами стоял его дом. Он прятался в сирени и озирался на дорогу двумя окнами спальни. Руднев представлял, как хрустнет петля калитки, как сомнутся под ним мокрые ступени крыльца и ключ в замке повернется с тугим масляным стоном. Он отворит дверь и войдет в зеленую темноту. А потом, скинув с плеча сумку, зажжет на веранде плафон, полный шелухи мертвых мотыльков.

Так, проходя шестую избу от поворота, готовясь к этому свету и милым звукам, он посмотрел на свой дом и остановился. Окна спальни горели. Руднев опустил взгляд. Неторопливым прохожим он дошел до калитки и снова обернулся к дому. Да, окна горели. Дымила труба. У забора стояла знакомая «хонда».

– Привет, брат.

Руднев увидел Зазу, курящего на крыльце. Заза поднял ладонь. Он подошел к забору, который был ему по грудь, положил на него скрещенные руки. Спросил, не вынимая изо рта сигареты:

– Ты чего тут?

– Это ты чего?

Заза обернулся и посмотрел на дом, будто что-то услышал. Рудневу тоже показалось, что на крыльце стукнула дверь.

– Понимаешь, я как бы не один. Девчонку из неврологии помнишь? Ну мелкая такая, в очочках? – Руднев сделал вид, что помнит. – Вот решили отправиться за город. Я же не знал, что ты нарисуешься! Может, ты это... Развернешься, и по той же дорожке назад топ-топ?

– А может, – ответил Руднев, – это вы быстренько...

– Ладно-ладно, старик. – Заза открыл калитку, приглашая Илью войти. – Не выгоняй. Мы шуметь не будем. Что там у тебя звенит?

– Ничего не звенит. Тебе послышалось.

– Может, завтра на рыбалку ходим? – Заза сделался весел, мгновенно весел, словно в сигарете его вспыхнула нужная искра.

А Руднев погрузился. Когда-то Илье мечталось поджечь проклятый дом и посмотреть, какой высоты будет пламя! Теперь, спустя годы, и в особенности последний год его жизни, он был готов прийти на пепелище, потушить тлеющие угли, законопатить двери и больше не выходить в мир, не слышать никаких других звуков, кроме тех, что звучат внутри него. Вдруг дом сделался для Руднева тихой и единственной обителью. Он скучал по вновь обретенной тишине, наполненной не мыслями о сыне и жене, а давно потерянными воспоминаниями. Ночами Руднев все же слышал в комнатах детские шаги и спрашивал себя, хочет ли он, чтоб они принадлежали Ване. Легкие, мягкие шапочки – он затыкал уши. Тишина, которой был полон дом, мучила его, но он терпел и верил, что это была целительная среда. Теперь же вместо тишины его ждал шумный вечер в компании Зазы и его новой девицы.

Илья достал из сумки вино и отдал его Зазе.

– Ладно, – сказал он. – Это вам. Я буду спать.

Заза докурил, потушил окурочок о забор.

– Рыбалку не проспи.

Он проснулся рано, проснулся от голода. Умывшись, поплевав в раковину, наевшись хлеба с пресным сыром, напившись сладкого чая, Руднев разбудил брата.

Они шли по холмистой насыпи, отделяющей реку от поймы заливных лугов. Над головою, к югу, откуда тянулись тучи, было уже сухо и светло. Там лежали заливные луга, и от тех лугов текла быстрая река. Руднев закинул на плечо спиннинг с единственной блесной.

– Слушай, Илюх, – начал Заза.

– А?

– Я тут подумал... Меня в Питер зовут поработать.

– Поработать?

– Есть место. Частная детская клиника. Хорошая зарплата. Нормированный рабочий день.

– Частная клиника? Вросшие ногти будешь удалять?

– Да у них знаешь какие операционные блоки?! Космос! И плановые, и экстренные проводят.

– Все равно, Заза, это не для тебя. Там пациентам улыбаться надо.

– Гляди!

Заза растянул рот в страшной улыбке, так что показались десны.

– Во-во, вот такими детей и пугают... Как знаешь. Езжай. Может, и правильно это все.

Руднев рванул вперед. На вершинке удилица звякнула блесна. Заза догнал. Он глядел из-под бровей на Руднева.

– У них там и интенсивная есть. А лучше просто анестезиологом. Не хочешь?

– Я? Ты меня с собой зовешь?

– А почему нет? Надо тебе работу менять.

– Зачем?

– Ты в реанимации все нервы сожжешь. Уже иссох, как жмур. Знаешь, сколько в таком режиме за бугром работают? Восемь лет, старик, и все – на пенсию. Наши, кто поумнее, переводятся, а кто типа тебя – лет через десятьдохнут с перепоя.

Руднев соскользнул с насыпи и подошел к реке. Его следы заполнились водой. Заза остался наверху, он присел на траву, положил свой спиннинг на колени; он глядел, как Руднев спускает блесну и делает заброс. Приманка цеплялась за ил и шла тяжело. Илья кинул снова. Он стал крутить быстрее, так что блесна бежала по верху, часто выпрыгивая на воздух. Потом Заза повернул голову и посмотрел на поле, полинявшее к осени.

Илья смотал пустой заброс, сорвал с крючка клоч водорослей.

– С тобой ухи не будет. – Заза сбегал к воде и тоже закинул спиннинг.

– Не поеду я никуда, – решил Руднев.

Они молча крутили катушки. Заза собирал слова, и, когда их набралось достаточно, он выпалил их разом:

– Слушай, наш дом стоит в хорошем месте. И тебя оно, знаю, умиляет: река есть, поля, есть болота, которые ты тоже любишь...

– Нет здесь болот, – сказал Руднев.

– Как же нет? А это что? – Заза обернулся на заливные луга. – Болота как есть!.. В общем, я не про них. Мне тут сделали предложение. Один человек, мой знакомый. Он хочет купить дом и землю. То есть дом-то ему такой не нужен. Построит другой. А вот земля... Участок же на тебе. Скоро тут везде будут хорошие дачи. А этот тип очень заинтересован, чтобы ты понимал. Дом совсем плохой. Ты же не думал его ремонтировать? Вот... А что дальше, подумай?

Заза закинул в сторону и отошел вслед за леской. Эта пауза давалась Рудневу, чтобы тот успел разозлиться. Но Илья не сорвался, а, наоборот, заговорил смирным, даже безучастным тоном:

– Тебе деньги нужны?

– Как сказать, старик. Они всем нужны. Но я подумал, что это будет неплохая сделка, которая поможет нам обоим. Мне попервой в Питере будет тяжело.

– Хорошо.

– Хорошо? Ты готов продать? Я не думал, что ты такой молодец. Вот молодец! Давай я устрою встречу. Мы все обсудим. Он цену хорошую даст. Но только если ты действительно хочешь!.. Старик?

– А?

– Ты побледнел чего-то.

– Хорошо, говорю. Я найду тебе деньги. Но дом не трогай.

Руднев забросил спиннинг в последний раз и на второй протяжке почувствовал зацеп. Леска стравилась с приятным стрекотом. Илья мягко и быстро увел удилице, чтобы подсечь рыбу. Ему это удалось. Рыба не сопротивлялась, шла высоко и даже не думала срываться. На мели она дернулась белой вспышкой и повисла на леске. Удилище изогнулось, спружинило и подало улов в руки Зазе.

– Жерех! – Заза снял рыбу с крючка и взвесил ее в кулаке. – Грамм пятьсот будет.

Обратно они пошли через поле, убедившись, что дорога успела высохнуть после дождей. Это был короткий путь, но в низине луга могла держаться вода. Тогда бы им пришлось обходить или возвращаться той же высокой, но долгой дорогой. Руднев брел впереди, его взгляда хватало до темно-сизой полосы ивняка на дальнем краю заливного луга. Но это было задолго до того, как они спустились в низину. И постепенно зримый край исчез в тумане.

Дальше он не видел ничего, кроме высокой травы да трех рыхлых стогов молодой ивы. Даже в небе не находил он теперь некрасивых облаков и больше не запрокидывал головы, только чаще протирал упаренные в мареве глаза, смотрел перед собой и выискивал новый, сухой маршрут. Скоро джинсы промокли от росы, под ногами зачавкало. Руднев свернул с мокрой тропы в траву, в которой было суше. Теперь каждый новый шаг он делал с проверкой, пробуя мыском кочки осоки. И проваливаясь из раза в раз, и набирая полный ботинок, Илья понимал, что любой будущий путь лежит через болото.

– Дальше пойдем босиком, – сказал он назад.

Руднев затаился, чтобы услышать ответ Зазы. Раздался шорох. Это трепыхалась в пакете рыба.

– Заза?!

«Наверное, он отстал, когда я свернул», – подумал Руднев. Но тропинка тянулась рядом, и он шел с нею сообща. Он бы увидел человека, точно бы увидел!

– Заза, ты идешь?! – крикнул он высоко.

Посыпался крупный дождь. Смылись последние краски. Зашипела под ливнем трава. И рыба, почувствовав воду, опять ударила по его бедру хвостом.

Руднев решил вернуться. По прежней дороге, не сворачивая и не сокращая путь. Он торопился. «Это та же тропинка, – повторял себе Илья. – По ней я выйду к реке. Там будет ждать Заза, мокрый и злой. Но, скорее всего, я догоню его раньше». Но чем быстрее шел Руднев, тем острее он понимал, что идет не туда. Он звал Зазу простым «Эй!», застывал и опять спешил, снова кричал: «Э-эй!» Руднев решил снять ботинки, потому что они были полны и мозолили пятки. Он вылил из них воду, смыл налипшую на подошву глину и сунул в карманы пальто. Потом закатал джинсы и шел босиком. Сначала земля показалась ему ледяной, но скоро ноги привыкли. Идти без обуви было легче.

Его плечи намокли, намокла спина. Дождь ударил с новой силой, будто кто выбил кран. Метелки ежи повисли, и с них бежали струи. Наконец он увидел кроны ивы и решил, что берег близко. Тропа тоже погрубела, и капли дождя отскакивали от нее глухой дробью. Рыба в пакете встрепенулась, перевалилась на спину.

– Когда же ты сдохнешь? – спросил ее Руднев.

Но жерех настойчиво бил хвостом. Он извивался, будто его только достали из речки, сильного и уверенного, не готового умирать.

Руднев положил спиннинг на землю, обернул вокруг рыбы пакет, взялся за него двумя руками и резко надломил.

Послышался хруст.

В пакете лежал жерех со сломанным хребтом. Он был красивый, матово-серебристый, с черной спиной. Он был мертв, и изо рта его шла кровь.

– Эй! – опять крикнул Руднев уже совсем тихо.

И заметил впереди силуэт. В нескольких метрах от него стоял человек с поднятой рукой.

Руднев тоже поднял руку, в которой держал снасти.

– Заза! – сказал он осипшим голосом. – Сволочь ты... Я думал, ты идешь за мной! Ищу тебя...

И бросая вперед все те слова и проклятия, которые успел надумать, когда выбирался из хляби, Руднев вдруг услышал шорох. Он поднес к лицу пакет. Рыба очнулась. Она была опять жива и жутко плясала внутри, размазывая свою кровь. И чем ближе Руднев подходил к чернеющему в мареве силуэту, тем сильнее билась рыба.

Еще пара шагов, и он смог разобрать, что впереди стоит не Заза. Он увидел, что силуэт не полон. Та рука, что была поднята в зовущем жесте, точнее, ее кисть, болталась на лоскутах, как жухлый лист.

– Что с вами? – спросил Руднев у незнакомца. – Я врач.

На него вышел человек, обгоревший до черноты и корчи, человек без лица и одежды.

Руднев попятился назад. Выпустил из рук снасти и пакет с уловом. Резко развернулся и побежал обратно в поле. Он бешено озирался – ему слышалась погоня. Ноги проскальзывали на размякшей под ливнем земле. Осока липла и резала икры. Грудь начало саднить. Он нырнул в траву, где оставалась возможность спрятаться, в случае если усталость догонит его быстрее преследователя.

Рядом зашипела трава, в мокром шелесте кто-то спешил к нему скачущим шагом. Он развернулся в ту сторону, откуда раздавались звуки, поискал под руками камень или палку – любое оружие для защиты. Когда шорох был совсем рядом, Илья сдвинул к корпусу локти, сжал кулаки, готовый ударить первым.

Руднев увидел Зазу. В его последних шагах было много нерешительности, а в глазах – много испуга. Заза попробовал улыбнуться.

– Где ты ходишь, дурак?!

Руднев опустил кулаки. И сразу ощутил, насколько они тяжелы. Чудовищно тяжелы.

– Я тебя везде искал, – сказал Заза, задыхаясь после бега. – Думал, выйдешь назад. Кричал тебе. Думал, все равно вернешься. Там ведь... там не пройти, понятно. Кричу, а ты прешься, как баран! Думал, вернешься. – Он отдышался. – Потом решил, хрен с тобой. Не заблудишься, не утонешь, не дурак. Пошел домой. Иду и слышу – орет. Орет дурак. Чего орал?

Руднев не ответил. Его трясло.

– Ну?.. Пошли-пошли. Пойдем домой.

3

– Паршивый дождь! Вся промокла, пока добралась. Вон, – сказала Маша с напускной злобой и выставила ножку. – Кеды чавкают, как поросята.

– Ты сегодня рано.

– Вы простыли, Илья Сергеич? Так хрипите!

Маша швырнула под вешалку мокрый зонт, раскрыла сумочку и, отвернувшись, принялась что-то искать в ее звонких внутренностях.

– Нет, я здоров.

– А я всегда рано прихожу! Мне опаздывать нельзя. – Маша нашла наконец-то зеркальце, подставила к одному глазу, ко второму, поправила салфеткой губы. Меж лопаток ее прыгала мокрая кисточка наспех сплетенной косы. – Там опять эта собака во дворе. Надо кому-нибудь сказать, чтоб ее убрали. Не дело это, чтоб в больнице...

– Не дело, – согласился Руднев. Голос его стал выправляться.

– А вы что не переодеваетесь?

– Холодно.

Он стоял у разбитого окна, пряча шею в поднятом воротнике пальто.

– Вы точно не заболели? – Руднев не отозвался. Тогда Маша осторожно приблизилась к нему. – Видали, у нас итальянский ресторанчик под боком открыли? Говорят, готовят очень вкусно.

– Чего?

Руднев растерянно посмотрел на нее.

– Чего?! – передразнила Маша с довольно милой улыбкой. – Пиццу, пасту, ризотто! Что там еще? Давайте сходим и попробуем.

Руднев подошел к вешалке. Поглядел на зонтик, который дохлым вороном лежал в углу. Потом он снял пальто и набросил его на крючок.

– Пойду найду Максимова. Где ходит? Не собирается, что ли, домой?

Он накинул халат, и тут же в дверь вошел сменщик Максимов. Он улыбнулся, показывая большие зубы, потом открыл холодильник, сделал бутерброд с колбасой, налил себе чаю и плюхнулся за стол. Вид у него был совсем свежий, и со стороны смотрелось, будто бы это Максимов заступал на смену, а Руднев собирался домой.

– Как дела? Выспался?

– У! – без смущения кивнул Максимов, пережевывая сухое. – Мент тебя искал.

Прожевав, он рассказал, что вчера опять приходил полицейский. Он спрашивал про мальчика, про травмы, что-то записал. Все заняло минут пятнадцать.

– Такой круглый?

– Ага, круглый. Морда вот-вот треснет.

Максимов раздул щеки, хоть и без того был похож на капитана Бырдина.

– Он что-нибудь еще сказал?

– Сказал звонить, если вдруг крякнет.

Руднев поморщился:

– Если крякнет?

– Ну да, пацан... Им с той бабой что-то делать надо, которая его сбила. А если парниша помрет? Это уж другое дело, другая статья. Бабе – тюрьма, им – геморрой. Вот и держат ее пока при себе. – Максимов проглотил последний кусок бутерброда и, отряхивая пальцы, вылупил на Руднева веселым туповатым взглядом. – Я им рассказал, что все ок. Вроде успокоились.

– Как хоть зовут мальчика, они выяснили?

Максимов дернул плечами:

– Я не спрашивал.

– Надо было спросить, конечно, – вклинилась в разговор Маша.

– Чего пристали? Вон телефон ихний на холодильнике. Звоните и болтайте с ними хоть весь день.

– Интересно, почему родителей не нашли?

– Чего их искать? Алкаши какие-нибудь.

Максимов, которому лень было думать и понимать чужие беспокойства, прихлебывал чай. Работа в реанимации была для него рутиной. Негативные эмоции могло вызвать бодание со страховщиками или составление графиков отпусков – но только не пациенты.

– Почему вы так решили?

– А ты видела его? – прикрикнул Максимов на Машу. – Он весь битый. Всюду следы от ремня. Кто его порол?.. Вот парниша и утек ночью, пока мамка с папкой не проснулись. Не переживай, не твое это дело, Маруся. И ты, Руднев, не раскисай. А то чего-то прикипел к этому бандиту мелкому, – сказал он и засмеялся. – Он тебе кто?

– Что по дежурству? – спросил Руднев, поняв, что больше ничего не добьется.

– Какой род – такой приплод, – не затыкался Максимов. – Менты с ним разберутся.

День пролетел в диком темпе. Давно не случалось таких дней. В приемном – невероятная толчея. Пациенты сыпались в реанимацию, будто за дверями шла война: девочка, тяжелая политравма, падение с четвертого этажа, нестабильные переломы, ушибы, разрывы внутренних органов, спасибо, череп цел, грудничок, шесть месяцев, стеноз пищевода, остановка дыхания, потом младенец, пневмоторакс, дренаж, ИВЛ.

Когда немного стихло, Руднев навестил безмянного мальчика. Тот спал и дергался во сне. Седативные сны часто кошмарны. Теперь, когда лицо мальчика было свободно от кислородной маски, Илья мог разглядеть его подробней. Он смотрел остановившимися глазами на незнакомого ему ребенка и будто бы вновь видел сына. Вот мальчик пробудится, откроет глаза, расклеит сухие губы, и тогда Руднев скажет ему «прости», много-много раз скажет.

– Позовите, как проснется, – попросил он дежурную сестру.

– Будем переводить?

– Переводить рано. И ширмой прикройте его, чтоб не боялся.

– Илья Сергеич, он, когда очнулся, все звал кого-то и плакал.

– Кого?

– Не знаю. Мы пропофол ему дали... Панику убрали.

– А не спросили его, как звать?

– Да ну!.. – отвернулась сестра. – Он же, говорю, невменяемый пока.

После были две плановые, но смещенные во времени операции. Маша ассистировала молча. Она точно выполняла указания, не переспрашивала, но имела какой-то робкий, даже плаксивый вид. Может быть, Руднев путал робость с обидой? Но, как ему казалось, он никогда Машу не обижал. Да, бывало, прикрикивал, чтоб дело шло быстрее, но то была понятная грубость. Он разучился разгадывать человеческие повадки, ему все чаще хотелось махнуть рукой: какая разница, обида это или робость, манипуляция или честное чувство?

Удаления паховой грыжи и аппендицита шли одно за другим, и каждая операция заняла не больше получаса. Заза шутил, как Илья вчера заблудился в чистом поле и звал на помощь. Он изобразил испуганный, якобы последний в жизни крик, и вышло так смешно, что все в операционной затряслись от гогота. А пока смех надувал маски, Заза перевязал и отсек червеобразный отросток. Никто, кроме Ильи, не заметил, как лица сестер и врачей, окаменевшие этим тяжелым утром, смягчились и потеплели. Девочке, упавшей с высоты и нареченной помиращкой, предстояла длительная реанимация и – если повезет, если вытянет – целый ряд операций.

Ее тяжелое спасение, казалось, было вчера, и о нем все забыли. А сейчас Заза со словами «ой, блин, чего за херню я отрезал?» вытаскивал отекавший, гноящийся аппендикс, и всем стало легче от этой маленькой победы.

– Над живыми не плачем, а только улыбаемся! – приказал Руднев, войдя в палату интенсивной терапии.

Мать девочки утерла белые щеки. Закивала.

– Говорите с ней.

– Я говорю-говорю! – стала защищаться она. – Ей уже лучше? Она слышит?

– Ей тяжело, но она борется, – ответил Руднев.

– Но у нее даже синяков нет!

– Нас больше волнует ее сердце. Оно сильно пострадало при падении. А сейчас на него легла большая нагрузка, потому что другие органы тоже получили травмы. – Илья проверил показатели. – У нее есть папа? – спросил он, не припоминая, что видел его в реанимации.

– Ему пришлось отъехать.

– Скажите папе, чтобы он тоже был рядом.

– Да-да. Знаете, он боится.

– Чего?

– Быть здесь. Ему очень страшно.

– Понимаю, – сказал Руднев, изображая улыбку. – Мужчины – самые трусливые создания на Земле.

– Понимаете? У вас есть дети?

– Ф-ф-ф, – выдохнул он. – Нет, детей нет. Но, пожалуйста, убедите отца, что он должен быть тут. Это поможет его дочке.

«И ему самому», – добавил он в мыслях.

Он обернулся к третьей койке.

– Почему не отгородили? Я же просил!

На Руднева смотрели испуганные глаза. Он подошел к мальчику, и, пока катили ширму, Илья стоял над ним.

– Ну ты как, боец?

Мальчик молчал.

– Здесь сильно болит?

Руднев легко коснулся груди больного, в которой терлись друг о друга переломанные ребра.

Почувствовав прикосновение, грудь мальчика заходила от частых, почти лихорадочных вздохов. Руднев отнял ладонь. Он увидел, как мальчик жмурится изо всех сил, прогоняя от себя незнакомца и пришедшую с ним боль.

– Да что же ты? Не бойся.

Илья ушел, так и не дождавшись, когда мальчик посмотрит на него.

Утренний двор. Пустынный. Только молодая лохматая собака шуршала в листве. Завидев человека, пес отряхнулся и с настроением бросился к нему. Он подпрыгнул, ткнул носом руку. Но молчаливый человек не хотел играть, и у него не было для него угощения. Он даже не шевелился, просто стоял, как неживой, и глаза его были закрыты. Тогда пес окликнул человека лаем, и тот что-то ответил. Голос его был короткий и хриплый, как рык, а глаза сделались злые. Пес склонил голову и лег рядом.

Небо посветлело. Со стороны главных ворот доносились голоса. На посту охраны кто-то громко кашлял от курева, над головой кашляли вороны.

– Прочь! – снова сказал Руднев.

А пес смотрел на него добрыми, блестящими, как лужи, глазами и словно был рад новому дню. Он, балбес, не знал, как давно тянется это утро. Он, дурак, – счастливый. Руднев опустился и положил руку на мокрую, острую собачью спину. Смена Ильи была окончена, но не окончена работа.

Лестницу украшали детские рисунки: шестикрылая бабочка, медведь, собирающий мухоморы, домик у реки, а в реке, конечно, – пиратский корабль.

Отшагнув от перил, дорогу Рудневу преградила женщина.

– Вы из реанимации?

Немигающие глаза требовали мгновенного ответа.

– Туда нельзя.

– А когда мне прийти?

– У нас там труп, пока нельзя.

Лицо ее странно задергалось. Было похоже, что женщина хочет чихнуть и не может. Он постояла, прикрыв ладонью рот, и тихо завывала.

– Это он умер?

– Кто – он?

– Мальчик! Мальчик! – ее крик покотился по лестнице с грубым керамическим дребезгом. – Мне сказали, он здесь!

– Как его зовут? – спросил Руднев, догадавшись, что она не знает имени.

Женщина заревела. Она плакала нервно, не контролируя брызжущие слезы. Только успевала утирать их и опять заходила в новом приступе. Илье нужен был ответ или хотя бы подтверждение, что он верно понял, о ком идет речь.

– Я не... не знаю! – выдавила она.

– Мальчик лет четырех? Светленький?

– А-а-а!

– Кто вы ему?

– Это я, это я его!

Теперь Руднев точно знал, кто перед ним.

– Вы его сбили?

Женщина не могла уже выговорить ни одного слова и только кивала. Тогда Руднев продолжил быстрым холодным тоном:

– Тот мальчик... Он в порядке. Был разрыв селезенки, поврежден кишечник, сломаны два ребра. Он потерял много крови, но сейчас все хорошо. Селезенку удалили, кишку сшили... Живой! – наконец он подобрал нужное слово.

Оно подействовало.

– А теперь идите домой. Мне нужно работать.

– Нет, я буду здесь.

– Как вас зовут?

– Дарья.

– Послушайте, Дарья, в самом деле, вам лучше поехать домой и выспаться.

– Куда же? – спросила она. – Надо гостиницу. Какая гостиница тут ближе? Мне нельзя уезжать. Только отпустили.

– Не переживайте. Ребенок будет жить.

– Счастье! Две ночи держали. Я говорю им, что никуда не денусь. Взяли подписку. Я же из Москвы. Как я устала! – затараторила она. – Как я устала...

И внезапно она начала оправдываться перед Ильей: стала убеждать, что не виновата, что она ехала ровно, не спеша, а мальчик возник из темноты, что там кругом лес и неоткуда взяться пешеходам.

- Оставьте мне свой телефон и идите отдыхать. Извините, но у нас там...
- Ох, конечно-конечно! – вспомнила Дарья и зажмурила маленькие глаза.

4

Когда Руднев приехал домой, у него начался длинный, темный и туманный, как бессонница, день. Он, будто прибывший с войны в короткий отпуск, разглядывал свою комнату и удивлялся ее спокойствию. В голове слышался родительский плач, но вокруг уже было тихо, и в этой тишине скрывалась большая ложь.

Руднев стянул пальто и завалился в одежде на диван. Война стала необходима ему. Илья был уверен, что стоит прекратить бой или хотя бы подумать об этом, в тот же миг кончится он сам. Что жизнь или имитация жизни невозможна теперь без искупления, и только в работе, в спасении человека от смерти можно его найти. Перед сном мысли становились тягостней – сегодня он опять проиграл. Илье не терпелось вернуться в больницу. Зачем ждать два дня? Пусть бы отдых был только сном, большего не надо. К чему ему лишний день? Пить, бродить, терзаться воспоминаниями? Занимать себя бестолковыми делами – а они все-все бестолковы! В любых внебольничных занятиях Руднев видел только ложь и протест против жизни.

Несколько часов прошли в беспокойной дреме. Приходили полицейские и спрашивали, не умер ли мальчик, и Руднев бежал проверять, как будто в этот миг он и правда должен был умереть. Маша что-то хотела от него: то шприцы, то трубки, а он искал и не мог ей дать, явилась та самая женщина, которая была виновата в аварии, явилась почему-то в красном, искрящемся влагой плаще. Руднев отгонял их всех по очереди, переворачиваясь с боку на бок, затем не выдержал, протер глаза и, наглотавшись воды из-под крана и накинув опять пальто, вышел из дома.

Он пригнулся под козырьком с потухшей вывеской «Гринсливс – Ирландский Паб» и спустился по узким ступеням к просвету входной двери. Внутри было пусто и тихо, стулья задвинуты, барная стойка необитаема и чиста, только под цокольным окошком сидел одинокий человек. Он был широкоплеч, толстоват, имел одичавшую бороду. Пред ним на столе в беспорядке лежали исписанные листы.

– Привет, Федя, – сказал ему Руднев.

Мужчина колыхнулся над бумагами, приветственно поднял ладонь, попытался перекрестить Руднева, но сразу вернул руку как неременную опору.

– Здравствуй, Илюша... Илюша.

По голосу, по пустому движению челюстей и параличу взгляда Илья определил, что Федор трагически пьян.

Руднев подошел к барной стойке.

– Эй, есть кто?

Из кухни вышел бармен.

– Будьте добры, пива, – как можно приветливей попросил Илья.

– Какого?

– Неважно.

– У нас есть «Гиннесс», «Харп», «Крик»...

– Дайте любого! – ответил Руднев, чувствуя, что от пустых разговоров у него уже свербит в груди.

– Пинту или полпинты?

– Много! – приказал он треснувшим голосом.

Бармен налил до середины бокала рубиновое, пахнущее елью и грейпфрутом пиво.

– Вот новое попробуйте. Английское.

Руднев выпил.

– Лейте. Пойдет.

Взяв с собой второй, медленный бокал, Руднев прошел в зал. Приблизившись к отцу Федору, Илья стал разглядывать бумаги на столе. Договоры, сметы – поверх них лежала тетрадь и небольшая книжица. Руднев отхлебнул пиво, выдохнул носом хмельные верхи и присел рядом.

– Евангелие? – он взял книжку. – Это... Это... Мандель... штамп!

– Ты чего, Федя, надрался уже? – Прости-прости. – Мне-то что... Тебе ж не положено. – А я не при исполнении. Без подрясника Федор в теперешнем состоянии был похож на рядового поддавалу, которых в городе водилось без счету.

– Выходной?

– Выходной. И у тебя?

– После суток. Уснуть не могу.

– Хорошо тебе, Илюш. Отдежурил и спишь два дня. А у меня первый выходной за две недели.

– И ты нажрался.

– И я нажрался, – он развел тяжелые руки. – Ибо трудящийся достоин награды за труды свои.

– Отвести тебя домой? Оля, наверно, ищет!

– Не хочу я домой.

Илья отпил еще и, перекатывая за щекой пиво, наблюдал, как оживают движения пьяного человека, как медленно заполняются разумным светом его глаза. Отец Федор отвалился на спинку зеленой скамьи, тянущейся по всему периметру паба. На фоне многоцветной стены, прошитой футбольными шарфами, флагами и прочей сальной ниткой, его лицо казалось белой, едва прозрачной заплатой. Федор был соседом Руднева, жил на той же лестничной клетке. У него была жена Ольга и шестеро детей. Имена детей Илья помнил, но присоединить нужное имя к нужному ребенку мог не всегда, поэтому при встрече спрашивал просто: «Как Димка?» или: «Как дела у Веры?», а когда Федор отвечал, Руднев уже представлял, о ком примерно идет речь. Дети быстро росли, менялись одеждой, маскируясь будто специально под своих братьев и сестер, хотя маскировка была тут лишней – все они походили друг на друга, как птенцы из одного гнезда.

– Ты мне лучше пива принеси, – сказал Федор.

Руднев взял для него пива. Тот отпил несколько глотков, достал из-под стола почти пустую бутылку водки и влил ее остатки в бокал.

– У нас со своим нельзя, – крикнул бармен, но Федор его не слышал.

Он дожидался, пока водка разойдется в пиве.

– А это что? – спросил Руднев, показывая на бумаги.

– Придел у храма ремонтирую. Сижу вот считаю. Работнички куда-то тыщ десять увели. Федор выпил.

– Как дети?

– А что дети? Что им будет? Бегают туда-сюда. Покоя нет. Вот тебе хорошо, Илюш, дома тихо, спокойно... – тут Федор осекся. Он обернулся на Илью с безумным от вины взглядом. – Прости-прости, Илюш! Вот я дурак!

– Ты просто пьяненький, Федя. Пошли домой.

Федор чуть не плакал. Он покачал головой, потом разинул рот и хотел что-то сказать, но ничего не сказал. Он пригладил бороду, собрал в одну кучу бумаги на столе, накрыл их ладонью.

– Прости! Я не знаю, как ты там один в этой тишине.

– Работой спасаюсь.

Руднев сидел, чуть подавшись вперед, подпирая себя черствым взглядом. Он был пуст.

– Ну... Оно и верно. Ты от бога врач, – нашелся он.

– Тут, знаешь, одного мальчика привезли... Мне показалось даже, что это Ванька.

Руднев подумал, что зря сказал. Он вращал бокал и глядел, как пена цепляется за его стенки. Потом он посмотрел на удивленного Федора.

– Похож, что ли, так?

– Наверно. А может, еще чего.

– Ох-ох, Илюш! – закудаhtал Федор, собираясь, кажется, снова плакать.

– Больше года прошло.

– Да ведь правда. А кажется, вчера. Упокой, Господи, души раб твоих...

– Ну хватит вот этого...

Руднев кончил с пивом, оставил пустой стакан на соседний столик.

Они вышли на улицу и зажмурились от света.

– Ты иди, Илюш, а у меня дела еще.

– Какие у тебя дела? Ты до этих дел сам не дойдешь.

– Дойду. Иди. Иди высыпайся.

Федор прилип к стене.

– Нет уж! Я тебя не брошу. Иначе Оля мне голову отвинтит. А должна бы тебе.

– Не отвинтит. Не нужна ей моя голова.

– Прямо не нужна?

Федор прошелся вдоль стены, отстраняя помощь.

– Не любит матушка меня.

И, сказав это, он нашел в себе силы выпрямиться и пройти по прямой. Руднев догнал его. Они шли дальше.

– Не говори ерунды.

– Она разводиться хочет.

– Это чего вдруг?

– Устала, говорит. Денег нету. Меня дома нету. На службе с утра до ночи, в выходные – внехрамовые требы, теперь ко всему прочему ремонт этот... Дети без отца растут. Терпение кончилось. Смирение кончилось. И у ей, кажется, любовь кончилась.

Ветер поднял его волосы.

– Как же вам разводиться?

– Как всем. Такой же грех.

– И в чем же выход? Если она без тебя останется?

– Ей в этом и видится выход.

Они вошли в подъезд, поднялись на последний этаж.

– Слушай, у меня дома иконы от Саши остались, – сказал Руднев, видя, что Федор медлит заходить к себе. – Хотел тебе отдать, да все забываю.

– Иконы?

– Да. Много их. Может, ты заберешь?

– Давай гляну, – пожал плечами Федор и вошел следом.

Руднев встал у двери, ведущей в спальню, подергал ручку. Дверь была заперта.

– Не помню, где ключи. Я спальню закрыл, а где ключи, не помню... Сейчас.

– Где ж ты спишь?

– В комнате, на диване. Я ее давно закрыл. Не хожу туда.

Руднев ушел на кухню, вернулся с ножом. Поковырял лезвием дверной замок.

– Да не надо, Илюш! – остановил его Федор, испугавшийся взлома. – Ну что ты портишь?

Он стоял в коридоре и наблюдал, как напрягается лицо Руднева. Лезвие было тонкое. Оно мягко скручивалось от стараний и никак не брало, никак не брало. До Федора вдруг дошло, что это за комната, в которую пытался попасть Илья.

– Илюш, ладно! Сейчас изрежешься!

– Ну!

Руднев дернул дверь на себя.

Он сам не ожидал, что рывок получится такой силы. Ручка вылетела из замка, и тот развалился надвое. Дверь распахнулась.

– Гляди, – сказал он, включая в спальне свет.

И только Федор подошел к выломанной двери, только заглянул в спальню, где по стенам в странном порядке были развешаны иконы, с лестничной клетки послышались мелкие черствые шаги. Появилась Ольга. Она, обеспокоенная внезапным шумом, вышла в подъезд и увидела, что дверь в квартиру Ильи открыта. Увидела самого Руднева и своего мужа.

– А, это ты, Илья. Здравствуй, – сказала Ольга и, посмотрев через висок на Федора, скрылась.

Опять наступило молчание. Федор глядел в сторону. Физиономия этого громадного человека приняла совсем уж горький и по-детски сконфуженный вид.

– Ну, – протянул он со вздохом. – Пойду.

– А иконы как же?

– Пускай у тебя будут, – сказал Федор, больше не глядя в спальню Ильи.

– Мне они зачем?

– Молись.

Федор пригладил бороду и, скрипнув дверью, ушел к себе.

5

Руднев стоял на пороге спальни. И в ней все было ярко. Саша любила свет, а Рудневу ламп хватало в больнице. Глаза его за время работы сохли, и дома он просил сумрака. Но что ей его глаза? Все должно быть бело, да так, чтоб не видно потолка. Чтоб ни единой морщинки. Но какие морщинки? Только сама их и видела.

Лишь иконы над кроватью были темны, как ночные оконца. Множество икон. С каждой глядел на него знакомый лик. Руднев не помнил имен, но улыбался им, как старым приятелям, явившимся из прошлого, вдруг и сразу из милого прошлого.

Иконы были общие. Так она сказала, когда Илья первый раз пришел в ее съемную комнату и поинтересовался: «Это все твои?!» Саша смутилась, будто Илья спросил со смехом или издевкой.

Но нет, он глядел серьезно. Это была в нем самая нужная черта: никогда Саша не встречала ни в ком такой страшной прочности взгляда. «Ха! Я не верю в Бога. Хозяйка сказала, что прежние жильцы не забрали. Так что иконы – общие. Сказала – пользуйся. Прикинь, дизайн. Мне неуютно! Они так смотрят...» – был ее ответ. Неуютно казалось только поначалу. Святые смотрели, но любить не мешали. Им двоим никто не мог помешать.

В эту душную двушку под самой крышей они переехали после свадьбы. Святых перевозили в коробках, чередуя с книгами, чтоб не треснуло стекло. Выходило неловко: Святитель Николай – «Любовь живет три года» – Троеручица – «Дневник Бриджит Джонс» – Святой Христофор – «Священная книга оборотня»... Так они и лежали в коробках на антресолях.

«Как думаешь, Бог помогает?» – спросила однажды Саша, вернувшись от врача. У них уже был Ваня. Она выучила молитву, нашла среди святых нужного, поставила на прикроватную тумбу и молилась ему. Остальные иконы Руднев развесил на стене. Он подчинялся, делал все, что она просила. И пошутил в ответ: «Эти святые не отвернулись от нас во грехе, не отвернутся и в молитве».

Он не заметил, как оказался в спальне и без звука ходил по ковру. Он разглядывал прошлое. Под столом, на котором до сих пор лежали начатые Сашей книги, Руднев нашел коробку с игрушками. Он покопался в ней и достал машинку с красными полосами и крестами на боках. Руднев покрутил модельку в руках. Когда-то, в самом начале пути, когда был дураком и верил, что дежурство в скорой даст ему отвагу и выдержку, он разъезжал по городу именно в такой машине. Такую же подарил и сыну.

Руднев достал телефон. Он позвонил ей. Голос на той стороне был сонный.

– Я вас не разбудил?

– Кто это?

– Доктор из детской областной.

– Ой, что-то случилось? – испугалась Дарья.

– Нет, все хорошо, я звоню поинтересоваться...

– Доктор, я ведь совсем забыла спросить, нужна ли какая-нибудь помощь. Вот дура!

Мальчику что-нибудь надо?

– Ничего. Может быть, после...

– Да-да, я всегда готова, доктор. Чтобы вы знали! Всегда готова помочь! Как вас зовут?

Сегодня я даже не узнала, как вас зовут.

– Илья Сергеевич. Можно просто Илья.

– Илья Сергеевич, – повторила она, запоминая. – А меня...

– Дарья. Я помню. Дарья, я звоню с таким странным вопросом.

– Он очнулся?

– Да, он пришел в себя.

– О! Какое счастье. Могу я его повидать?

– Мальчик очнулся, но ничего не говорит. Поэтому я и звоню вам. Понимаете, мы до сих пор не знаем его имя, не знаем, где его родители. Я подумал, может быть, вы могли бы помочь найти родственников.

– Я?! – голос ее поднимался. – Но каким образом?

– Если вы скажете, где случилась авария, я попытаюсь найти кого-нибудь, кто знает мальчика.

– Я думала, этим занимается полиция, разве нет?

– Пока от них мало толку.

– Мне действительно очень хочется помочь... Если нужно, я готова дать денег!

– Скажите, в каком месте вы... Где произошло столкновение?

– Ох, – она задумалась. – Я совсем не знаю ваших дорог. Помню, был лес... Все это я уже рассказывала полицейским!

– Они нашли, где это случилось?

– Говорят, нашли.

– А вас туда возили?

– Нет, больше я там не была. Послушайте, вы точно доктор? Это разговор напоминает допрос.

– Вспомните, что показывал навигатор.

– Навигатор показывал, что я сбилась с маршрута. Он искал выезд на трассу. Что вы еще хотите?

Руднев узнал панику в голосе Дарьи. Он всегда мог разглядеть, расслышать ее первую поступь.

– Простите. Но важно выяснить, что случилось в тот вечер. – Он стал придумывать, почему это в самом деле важно. Получалось слабо. На ум приходили только фразы из брошюры для посетителей детской реанимации. – Родитель всегда должен быть рядом с ребенком, чтобы ребенок понимал, что он не брошен. Поэтому крайне важно поддерживать связь.

– Илья Сергеевич, – сказала она, задержав дыхание. – Сожалею, но я... Там был лес. Он выскочил прямо под колеса. Я ударила по тормозам... Понимаете, я даже не сразу поняла, что это было. Выбежала. Увидела мальчика. Он лежал на боку.

– Он был в сознании?

– Мне показалось, что он мертвый. Но когда я стала набирать скорую, он зашевелился...

С ее слов Руднев постарался представить, как было дело. Но у него не получалось. Точнее, он представил себе, что все было иначе. Он увидел женщину, мечущуюся от машины к сбитому ребенку. Она кусает губы, соображая, что ей предпринять. Осматривает бампер, фары, капот. Все цело, гладко. Глядит дикими глазами по сторонам, глядит на дорогу, не едет ли следом свидетель. И она делает выбор. Решает бежать. Оттаскивает мальчика к канаве, но тот вдруг поджимает ноги, свертывается от боли. Мычит.

– И я решила отвезти его сама...

Сама.

Теперь ей ничего не остается, кроме как положить ребенка на заднее сиденье и отвезти в больницу. Она проклиная себя, что мчалась с недозволенной скоростью и отвлеклась от дороги. Наверняка мальчик шел обочиной и махал издали руками, думая, что водитель его заметит. Правда, которую видел Руднев, была в том, что ребенок пытался остановить машину, а не скрывался от нее.

– Зря! Зря я это сделала. Нужно было дождаться полиции и врачей!

– Вы все сделали правильно, – сказал Руднев, рассматривая в руках модельку скорой. – Пока они приехали бы из города, мальчик мог умереть.

– Нет, они говорят, я нарушила...

– Он умер бы там от потери крови. Если будет нужно, я готов подтвердить это в суде.

– О, это было бы... Я была бы вам благодарна! Но я нарушила... Я довезла его до поста ГАИ. Они уже вызвали скорую. Врачи приехали очень быстро. Очень быстро! А теперь они рассказывают мне бог знает какие ужасы и разговаривают со мной, как... Как с зеком!

– Вы спасли ему жизнь. А теперь помогите мне.

– Хорошо, я готова.

– Я заеду за вами завтра, и мы постараемся повторить маршрут.

– Что?

– Мы вместе найдем место...

– Нет! – возразила она, не дослушав. – Мне нельзя уезжать из города!

– Мы никуда не уезжаем.

Тишина длилась минуту.

– Не могу, простите. Мне пора, я устала. Не спала три ночи кряду.

– Да, я понимаю, – согласился Илья. – Но все же прошу подумать еще раз.

– Пообещайте мне, что позвоните, когда можно будет навестить мальчика.

«Пообещайте мне» было похоже на «забудьте мой номер».

– Какого цвета у вас машина? – спросил Илья напоследок.

– Зачем вам это?

– Можете не отвечать.

– Красного.

– Я почему-то так и думал.

– У меня красный «гольф».

Он зашторил окна, выключил свет, и комната погасла. Почернели иконы. Руднев захлопнул дверь, но она отскочила от рамы. Тогда он вспомнил, что замок сломан.

Пиликнул телефон, мелькнула бледная вспышка. Руднев посмотрел на экран и увидел сообщение от Дарьи – карту навигатора с обведенной красным овалом дорогой и подписью «Где-то здесь!».

6

Саша пила растворимый кофе. Сыпала две ложки сахара, заливала по края молоко. Еще зефир, обязательно ванильный. Зефир был на завтрак, обед и ужин, а бывало, и вместо них. Она ставила перед ноутбуком ленивое питье, подбирала под себя ноги, отламывала от зефира ватку и, растопив ее во рту, облизывала сахарные пальцы.

И он, приходя с рассветом, заставлял ее все в той же позе и ругал устало, что она не ела и не спала. Он подходил к ней – слова его тихие сыпались вслед по полу, как сухие листья, – целовал в макушку, скидывал одежду и зарывался в постель. Она зашторивала окна и ложилась рядом. И каждое подобное утро Илья засыпал легко и приятно, точно прожил цельную тихую жизнь, а Саша, отвернувшись от его спокойного дыхания, глядела перед собой и долго укачивала себя, ворячая ногой холодную простыню.

– Давай поедem в Париж, – сказала она однажды, так и не сумев заснуть. Саша приподнялась на локтях, запрокинула голову и смочила языком губы, будто пробуя зашедшую мысль на вкус. Лицо ее прояснилось влажной блестящей улыбкой. – Мы едем в Париж!

Саша потрясла Илью за плечо. Потом поцеловала, упала на его грудь и ждала, когда он наконец очнется ото сна.

– Сколько времени? – спросил он, поглядев на часы.

– Прошу тебя, поедem в Париж. Я умру, если мы не поедem.

– У нас нет денег, – пробубнил он, не разбирая идеи и отворачиваясь к стене.

– Отговорки!

Не бросая своей счастливой улыбки, она встала, прошла на кухню, налила полный стакан воды и выпила его жадными глотками. Потом вернулась в комнату и снова нырнула в постель.

– Илья...

Он резко обернулся. Он не спал.

– Что?

Смотреть было больно, и он глядел полузакрытыми глазами сквозь серую мерцающую пелену неслучившегося сна, смотрел на нее со злобой и досадой. Она похудела – он не замечал раньше, насколько сильно: выцвело, осунулось лицо, упали плечи, и голос Сашин от нервной вибрации казался незнакомым и фальшивым. И все же больная худоба нисколько не портила, а только нагнетала ее точную, черно-белую красоту.

– Я вдруг поняла, что нам нужно отдохнуть. Когда у тебя отпуск?

– Сильно ты устала?

– Август или сентябрь было бы здорово.

«Сильно ты устала, сидя месяцами без дела? – повторил про себя Илья. – Август, сентябрь...»

– В сентябре у тебя институт.

– Я решила его бросить.

– Отлично. И что будешь делать?

– Ты сам говорил, что институт бесполезен!

– Я говорил это, когда ты в третий раз решила сменить специальность. Любой институт будет напрасной тратой времени, если там не учиться. Когда ты последний раз была на занятиях?

Саша вырвалась из-под простыни и убежала в кухню, где опять стала пить, проливая на грудь.

– Значит, не институт бесполезен? Это я бесполезна?

Как он не терпел эти моменты, когда любой шаг вел его в западню! Весь мир теперь, казалось Саше, ополчился против нее. А Илья не спешил становиться защитником и, значит,

занимал сторону зла. Он все это знал, но играл свою роль. Нельзя было прервать разговор, она – ребенок, не он.

- Ты знаешь, что стоит взять себя в руки, и ты всего добьешься. Ты талантливая, умная...
- Взять в руки?!

Войдя в кухню и увидев, как она прячет заплаканное лицо и трясется мелкой дрожью, он на секунду поверил Сашиним словам, он действительно устал от бесконечных попыток вывести ее из ступора. Он устал от чувства вины перед ней, причину которого не мог отыскать. И сдавался всегда и во всем, признавая отступление единственно мудрым ходом.

- А что мы будем делать в Париже?

Она молчала, вздрагивая теперь лишь изредка. Илья развернул стул и сел напротив окна и ее силуэта, охваченного дневным светом.

- Пообещай мне, что в Париже ты не будешь грустить.
- Обещаю!
- Или хотя бы плакать.
- К-конечно...
- Или хотя бы будешь иногда радоваться... Смеяться.

Илья говорил все тише. Он засыпал, неуловимо сморенный тишиной потухшей ссоры.

Они поселились на улице Дюперре, в пяти домах от площади Пигаль. Апартаменты занимали последний этаж, и в мансардных окнах можно было разглядеть луковицу Сакре-Кёр. Она была видна всегда непрочно. Июль, предсказуемо жаркий и такой нежеланный в Париже, вдруг загудел дождем и ветром. И в этот июль они приехали налегке: небольшой чемоданчик с сорочками, тонкими платками и балетками; из теплого был пиджачок и кашемировая водолазка, серая, как у всех француженок. А дождь сыпал не переставая, так что в первый свой вечер они считали капли на стекле и высматривали под низким небом мерклый купол базилики. Можно было выйти на балкончик, где помещалось полтора человека, – они помещались – и наблюдать пустую улицу, пустую баскетбольную площадку в колодце соседнего двора, решетки на витринах кальянных и гитарных магазинов, лакированные двери, прозрачную, как виделось с высоты, брусчатку и множество прочих мелочей, от которых розовела Сашина улыбка.

- Ну вот, ты улыбаешься!
- Я очень рада.
- Предлагаю промокнуть, но найти лучшее в округе крем-брюле.
- Только не сегодня, – застонала Саша. – Ты знаешь, как самолеты выматывают меня!
- Ты предлагаешь умереть от голода в первый же день? У меня уже кружится голова.
- Твоя голова кружится из-за страха высоты и от виски, которым ты накатился в полете.
- Я совсем не боюсь высоты.
- Да ну? А если я сделаю так?

Саша подтянулась на перилах и грудью перевалилась через них.

– Пожалуйста, опустишь! – он обнял ее и отвлек от ограждения. – Пойдем в комнату, выпьем кофе. Я видел там кофемашину.

– И все-таки ты у меня ужасный трус, – сказала Саша, отряхивая влажные ладони. – Хотя это даже забавно. А?

Она вновь подалась вперед.

- Как знаешь. Я уйду. Найду магазин или булочную, где дадут пожрать.
- Ну-ну, не злись!

Илья вернулся в сумрак комнаты, подошел к зеркалу и пригладил промокшие волосы. Сменил рубашку, выбрав черную, не тающую под дождем, пересчитал деньги в кошельке, подобрал к замку верный ключ. Он хлопнул дверью и сбежал по широкой прохладной лестнице. На улице он поднял голову и увидел Сашу.

– Купи вина! – крикнула она и послала сквозь дождь воздушный поцелуй. И следом, не успев он пройти пары шагов, окликнула: – Я с тобой! Подожди! Я с тобой!

Они перешли площадь, где не встретили никого, кроме парочки озадаченных туристов, прячущихся от дождя под навесом газетного киоска, поднялись выше до метро «Аббес» и сели в небольшом темном ресторанчике. Заказали бутылку вина, два салата с лососем и печеным картофелем. Саша легко объяснилась с официантом и даже отколола шутку, так что парень сразу оживился.

– Он сказал, что поменяет вино на то, которое нам действительно понравится, – перевела Саша.

Ее бесполезный институт впервые оказался кстати.

– Отлично. А то я уже начал думать, что вы договорились сбежать от меня.

– Да, он красавец.

– Мне нравится, когда ты такая.

– Какая?

– Игривая. Стоит тебя немного приревновать, и ты начинаешь светиться.

– А мне нравится тебя пугать! Ты так шуришься и раздуваешь ноздри, когда боишься! У тебя такой глупый вид, что ради него я готова каждый день выбрасываться из окна или убежать с официантом. А вот и вино!

Официант не дал попробовать, а сразу уверенно разлил вино по бокалам, потом наклонился над Сашей и промурлыкал что-то, вытягивая губы.

– Он предлагает взять к вину паштета.

– Пусть несет, что ему вздумается. Я тут, похоже, ничего не решаю.

– Он спрашивает, чем ты недоволен, – она звонко хихикнула.

– Скажи, что моя жена вьет из меня веревки.

Саша перевела. Все засмеялись.

– Он говорит, что тебе очень повезло с такой красавицей.

Саша поднесла бокал к губам и потянула носом. Она с удовольствием сделала несколько глотков.

– Спасибо тебе, – сказала она.

– Нет-нет, я не хочу, чтобы ты переходила на лирику.

– Правда, спасибо.

Илья кивнул. Он не разобрал вкуса вина, потому что действительно был очень голоден и устал от дороги. Он прикончил первый бокал и нашел на себе теплый взгляд Саши, положил свою ладонь на ее ладонь и легко похлопал. Он старался держаться все в том же шутливом образе, но, когда она поцеловала вдруг его руку и прижалась к ней щекой, он, будто зараженный нежностью, убрал волосы и поцеловал горячий висок.

– Excusez-moi! – прокряхтел официант.

И поставил на стол вместо их влюбленных голов две огромные миски салата.

Следующим днем, ближе к обеду, разбуженный частым стуком, Илья спустился с мансарды, где была устроена спальня, и раскрыл балконную дверь. Он быстро глянул вниз и сразу нашел причину шума – в соседнем дворе шла игра в баскетбол, потом он посмотрел на небо, глубокое и ясное, хорошее небо, улыбнулся с прищуром, как дремлющий кот, и вернулся к Саше. Илья стянул с ее плеч одеяло, и она недовольно простонала свое длинное печальное «ну-у-у?».

– Вставай-вставай... Там солнце, не поверишь!

– Кто там стучит?

– Какой-то мальчишка на баскетбольной площадке кидает мяч в корзину.

Саша вернула себе одеяло.

– И ты кинься в него чем-нибудь! А надежней было бы спуститься и прикончить его.

– Обязательно. Но ты просыпайся. Мы идем гулять.

Она зевнула, оглядела еще непривычное пространство.

– Голова...

– Болит?

– Наверное, акклиматизация.

– Это не акклиматизация, а похмелье. Лечится довольно просто.

– Тебе виднее, дорогой, ты у нас и врач, и пьяница.

– Поэтому как врач я прописываю тебе прогулки, а как пьяница – вино.

– Господи, какая я ленивая! – сказала Саша и повернулась на другой бок.

– Предлагаю устроить пикник на Марсовом поле.

– Не забудьте штопор, доктор.

– Когда бы мы ни вышли из дому, на улице всегда вечер, – сказал он с досадой и разложил на мокрой траве припасы: сэндвичи с сыром, ветчину, нарезанную так тонко, что из нее вышел весь вкус, две плитки молочного шоколада и бутылку вина, недешевого, купленного по совету учтивого продавца. Учтивость в Париже, уже понял Илья, выгодна всегда тому, кто учтив.

– Прекрасно. Ты предлагаешь просыпаться с петухами?

Он откупорил бутылку.

– Не лежать же мы приехали в Париж!

– Ты сегодня особенно занудлив. Мы просто отдыхаем. Расслабься или лучше сфоткай меня на фоне Эйфелевой башни!

Илья сделал несколько кадров.

– Придется встать, если не хочешь, чтобы на фотографии кроме тебя было полсотни незнакомцев.

Она огляделась. Вокруг них гнездились шумные стаи молодых людей. Как они могли испортить кадр? Все они казались симпатичными и юными. И все они пили вино, смеялись беззаботно и уверенно, и на фоне того смеха ее собственный образ представился безголосой угрюмой скульптуркой, слепленной некрасиво и непрочно, – мусор на пленке, брак. Она еще раз с тоскливой завистью посмотрела в сторону смеющихся негодяев и махнула Илье рукой, подзывая к столу.

– Какое вкусное вино, – сказала Саша, отпивая из бумажного стаканчика.

– Да, пьется отлично.

– Я готова посвятить этому жизнь!

Саша покрутила бутылку.

– Чему? Пьянству? Не лучшая цель для...

– Вину, дурачок... Точно! Я придумала! – Она едва не поперхнулась. – Выучусь на дегустатора...

– Сомелье.

– Да, сомелье! И открою винный магазин или бар. И сыр! Завезу разных сыров, твердых, мягких, с плесенью, с корочкой, козых, вонючих! Всех, что есть... Что скажешь?

– Скажу, что тебе повезло, я несказанно богат и готов хоть завтра вложить свои двести евро в сеть винных магазинов.

– Не переживай о деньгах. Я охмурю какого-нибудь старого миллионера с шато с виноградниками и...

– И изведешь его своими припадками. Если, конечно, не сбежишь до того с официантом!

– Злопамятный, ах какой ты злопамятный! Роман с официантом в прошлом. Перед тобой Александра... – Она долго подбирала новую фамилию. – Александра Дюруа! Хищная и расчетливая женщина.

– За Александру Дюруа и ее винную империю!

Они беззвучно чокнулись и выпили, насили сдерживая приступ хохота. Саша сменила позу, утопила коленки в траве и выпрямила к небу затекшие руки. Потом она изнеженно потянулась, обнажив белые подмышки, и с придыханием сообщила:

– Мы должны подняться на нее прямо сейчас.

Илья смерил взглядом башню, опрокинулся и распластался по земле.

– Нет! Только не это. Как все хорошо начиналось, – замычал он, держась за траву и мотая головой.

Саша схватила его за ворот, потянула к себе.

– Брось меня здесь. Беги со своим официантом, со своим золотым старичком, но, прошу, не тащи меня на эту дуру.

– Она тебе понравится! Не лежать же мы приехали в Париж.

– Мне хватает лестниц в нашем доме.

– Когда еще? А я тебя поцелую!

Они отстояли очередь за билетами, дающими проход до третьего, вершинного этажа. Решили воспользоваться лестницей до второй платформы, а потом взять лифт. Саша шла впереди, Илья ступал за нею следом. Скоро ноги зажгло – она пожаловалась ему, и они поменялись: он поднимался первым, перед носом уже не летал обрез юбки, и ему приходилось оглядываться каждый раз, чтобы проверить, поспевают ли за ним Саша, и при каждом таком повороте он крепко сжимал поручень мокрой ладонью, и ему чудилось, как поручень выскальзывает и он срывается со ступеней. Взобравшись на первый этаж, они прошли к центру платформы, где Саша обнаружила стеклянный пол, который она тут же решила проверить на прочность, смело ударя под собою пяткой. Потом она просила фотографировать ее над бездной и все продолжала прыгать, замирая на снимках с веером темных волос и безумной улыбкой. Он оттащил ее за руку и, не ослабляя хватки, провел по краю площадки, точно вдоль борта парохода с волнующейся на волнах палубой.

– Вон там, ты видишь? Вон купол Сакре-Кёр, там мы живем, – сказал он липким голосом.

– Отсюда его видно даже лучше, чем с нашей мансарды.

Илья вытянул объектив и снял призрачный холм Монмартра, сменил фокус, прицелился снова. И опять храм вышел размыто, как тающий над морем мираж.

– Долго ты? – спросила Саша, дергая ремень фотоаппарата, отводя взгляд и всем своим видом показывая, что ей тут скучно и пора идти выше.

И они поднялись выше, и платформа второго этажа показалась Илье еще мягче. Он всматривался в просветы конструкций и крепче сжимал ладонь жены. В очереди к лифту он признался, что хочет остаться.

– Неужели мы зря купили билеты на самый верх?!

– Иди одна. Я подожду тебя здесь.

– Брось! Это не страшно.

– Я не боюсь. Давай скажу тебе это еще раз. Не боюсь. Сходи одна, сделай пару фото. – Он снял с шеи и отдал ей фотоаппарат. Саша, поцеловав воздух перед остолбеневшим мужем, исчезла в очереди на подъем.

Илья вернулся к лестнице, подальше от решетки, и стал дожидаться. Он присел на холодную балку, покрытую множеством клепок, и закрыл глаза. Слышно было, как скребут и лязгают по металлу подошвы и чужие голоса шаркают мимо, повисают рядом вдохновенные вздохи и цоканье и летит чей-то визгливый подгоняющий крик, он слышал щелчки затворов, хруст лифтовых канатов и прочие-прочие звуки, напоминающие ему кишение раков в чугун-

ном котелке. Подул прохладный ветер, и Илья его тоже услышал. Ему показалось, что башня качнулась и не может вернуться в вертикаль. И только Илья собирался упасть на колени, как перед веками вспыхнул свет. Он открыл глаза и, очнувшись от вспышки, увидел перед собой объектив камеры и Сашину улыбку за ним.

– Какой ты бледный, – сказала она, рассматривая снимок.

Саша показала фото, на котором он увидел свое смятение и страх.

– Гадость, а не рожа. Удали.

– Давай попросим кого-нибудь нас сфотографировать? Excusez... Excusez-moi! – Саша вручила фотоаппарат молодому и загорелому мужчине в шортах, который, конечно, был американец и не понимал ее любезной болтовни. – Ну, обними меня? Encore une fois s'il vous plaît!¹ Ты что такой грустный? Давай поцелуемся?.. Une fois! Merci beaucoup!²

Она вернула камеру и промотала снимки.

– Ничего не видно! Где мы стоим? Как будто в гараже...

– Главное, мы знаем, что это наша фотография на Эйфелевой башне.

Саша кивнула.

– Ты не замерзла тут? Я думаю, пойдет дождь. Нам надо удирать.

На мосту Йена они шли спинами вперед и любовались, как мерцает стрела Эйфелевой башни. Дождь начался, как только они перешли на другой берег и спустились к набережной. Вода хлынула с шумом, по-военному грозно. Музыка на паромах стихла, уличные торгаши свернули товар, толпа потянулась к метро. Кроме них, смотрящих в шипящее масло реки, на набережной оставался еще один старик, бездомный или сумасшедший, под тяжестью дождя его дряхлая фигура вросла в тротуар. Старик промокивал газетой шею и лоб, бумага таяла и липла к коже.

– Какая пошлость! – засмеялась она. – Вино, башня... теперь этот ливень. Будто в слащавом кино. Какая пошлость... Мы обязательно должны поцеловаться!

– Тогда только так!

Он проник рукой под ее волосы, страстно притянул к себе и поцеловал так же нарочито страстно.

– Ну? – спросил он.

– Хочу еще.

Илья поцеловал еще и увидел, как она ослабла в его нелепых объятиях и снова тянется к губам. И вмиг он сам поверил в свой поцелуй, они прижались друг другу крепче, так что промокающая одежда тут же согрелась и приятно жгла от груди до живота.

– Вот так-то, – прошептала она, не открывая глаз.

Он заболел первым. Попросил ее купить в аптеке лекарство от горла. Было раннее утро, привычно гадкое. Саша отказалась выбираться из дому, пока не наметится солнце. Написала ему на бумаге какую-то фразу на французском. В аптеке он отдал записку, его что-то спросили, он что-то пожал плечами. Фармацевт покачал головой. Илья убрал записку в карман.

– Горж, горж³, – сказал он, потирая кадык. – Гексэтидин. Или прополоскать что-нибудь дайте.

Продавец что-то пролепетал и развел руки.

– Жо сви медсэн! – прохрипел Илья, полагая, что дело в рецепте. – Горж, горж.

¹ Encore une fois s'il vous plaît! – Еще раз, пожалуйста! (фр.)

² Une fois! Merci beaucoup! – Один раз! Большое спасибо! (фр.)

³ Горж – от фр. gorge – горло.

Ему выдали пакет с лекарством, за который он заплатил пять евро. На пороге аптеки Илья раскрыл пакет, пошелестел блистером с гомеопатическими таблетками и выкинул купленное в урну. Он решил идти в магазин, взять для полоскания соды и соли.

На пороге магазина его тихо окликнул чернокожий подросток, одетый в нечто безразмерное, точно посаженный в стог мокрых тряпок. Над тряпками вертелась легкая голова с огромными ушами. Илья припомнил, эти уши он уже видел раньше. Но где? Такие уши... Он не мог их забыть. Илья кивнул подростку, и вместе они прошли через двор и тесный сквер, потом вывернули в захламленный коридор улицы и зашли в комиссионную лавку. В лавке дежурил продавец, который и головы не повернул на вошедших. Прикрыв входную дверь, подросток исчез в подсобке за шторкой стеклянных бусин и явился обратно, когда перезвон уже стал затихать. Его лицо за короткий миг отсутствия сделалось тревожным, глаза не моргали. Он подошел вплотную к Илье и сунул ему в ладонь пакетик.

– Сколько? – спросил Илья в огромное ухо.

– Vingt euros!⁴

Илья отдал деньги и ухмыльнулся.

– Странный город... Спрей для горла не продали, а траву – пожалуйста.

Парень, не понимая языка, выпрямился, оскалился, задышал, надувая себя, как шар. Илья больше не мог смотреть на него без смеха, а тот только крепче злился. Испуганный взгляд его оконечел. Он начал выталкивать Илью на улицу и размахивать перед собой руками.

– Уймись ты! Мне нужно купить зонт. Зонтик, блядь. Парасюль! – сказал Илья. Он положил на прилавок пять евро и снял с вешалки зонт. Продавец едва заметно дернул носом.

– Как тебя зовут? Comment t'appelles-tu? – спросил Илья, так и не сдвинувшись с места.

В ответ ему прилетел рой жужжащих слов, среди которых он услышал лишь одно, напоминающее имя.

– Юго?

– Юго!

– Слушай, Юго, – сказал Илья. – А ведь я тебя узнал! У меня есть к тебе дело.

Он отсчитал еще тридцать евро и протянул их новому знакомому.

– Что это? – спросила Саша, разбуженная дымом. – Ингаляции от горла. – Где ты достал? – В аптеке. Ты же сама написала рецепт. – Помогает? Она раскрыла балконную дверь, из-за которой слышался один и тот же бесконечный стук.

– Ты знаешь, медицина в Европе шагнула далеко вперед. – Илья выпустил сладкий дым и передал закрутку Саше.

– Только в качестве предупреждения эпидемии, – сказала она и затянулась. – Сегодня мы идем в Лувр.

– Исключено. У меня ужасный насморк. Боюсь, если я чихну – то испорчу какой-нибудь шедевр.

Она прожевала дым и пустила его вниз с балкона.

– Он все играет. Каждое утро стучит! Наверное, он играл и в тот день, когда мы заехали, просто мы заехали после обеда.

– Странно, что его еще не прикончили.

– Может быть, он тут вместо будильника. Мне его даже жалко.

– Почему? Я наблюдал за ним, – сказал Илья. В стрекоте дождя он невольно считал влажные удары мяча и бряцанье баскетбольной корзины. – Он хорошо тренируется. И всегда попадает в кольцо.

⁴ Vingt euros! – Двадцать евро! (фр.)

– Не знаю, просто жалко. Он весь мокрый. Хотя я иногда путаюсь в своих чувствах. Может, я жалею себя? А к нему у меня только зависть. Он такой упорный и, как ты заметил, всегда попадает в цель. Я не способна на такое.

– Закинуть мяч в корзину не так уж сложно.

– Прекрати. Я говорю о своей никчемности. У меня нет ни цели, ни воли.

– Просто хватит себя жалеть! Этот парень хорошо бросает мяч, но он не звезда НБА. Он торчит здесь, потому что ему больше нечем заняться. И уж точно этот мелкий баскетболист ничем не лучше тебя.

Она обернулась и подозвала его мутными от слез глазами.

– Сделай бросок, и ты обязательно попадешь, – сказал Илья, обнимая ее плечи.

Саша сняла с себя его объятия и прошлась по комнате. Она подошла к зеркалу и в какой-то растерянной задумчивости взглянула в отражение.

– Если ты не хочешь в Лувр, мы поедem на кладбище.

– Сразу на кладбище? Впредь обещаю сразу с тобой соглашаться.

Им пришлось брать такси, чтобы добраться до Пер-Лашез, а потом стоять под крышей цветочного киоска у ворот кладбища, чтобы не вымокнуть до костей. Саша купила желтые ирисы, и он гадал, на какую могилу она собралась их положить.

Когда дождь стих, они прошли в ворота и направились к центру кладбища. Он увидел, что по правую руку, на площади колумбария толпятся люди. Они обменивались рукопожатиями и быстрыми поцелуями, их лица были строги и вместе с тем улыбались твердо и приветливо. Публика прибывала. В тени аркады колыхались лепестки дамских шляпок и поблескивали плечи черных пиджаков. У стен крематория, огромного желтоголового здания, похожего на мечеть с печной трубой вместо минарета, выстроилась очередь венков.

– Хоронят какую-то шишку, – сказал Илья, рассматривая процессию.

– Потому что много народу?

– Потому что никто не плачет. Это больше похоже не на похороны, а на светский прием.

Не хватает только шампанского.

– А я б хотела, чтобы меня похоронили именно так. На Пер-Лашез, без соплей и с шампанским.

– Тогда не умирай, пока я не раздам долги за наш отпуск.

– И все же мне кажется, что это красивое прощание.

– В смерти не может быть ничего красивого, если с головой у тебя все нормально.

– Как ты меня достал.

– Мне просто странно. Я впервые вижу, чтоб на похоронах все улыбались.

– Тогда пойдем я покажу тебе могилу, которую все целуют.

– И кто там лежит?

– Поэт.

– Мог бы догадаться. Для него ты купила цветы?

– Может, я их купила для себя?

Саша положила ирисы на пятки летящему сфинксу на могиле Оскара Уайльда. Илья немедленно сочинил стихотворение: «Официант остался в прошлом, винодела не видать. Остается невозможность к привиденью ревновать». Потом они обошли с десяток могил, и на каждой он скучающе вздыхал, а она фотографировала надгробие.

– Сколько еще твоих знакомых нам нужно повидать?

– Ты устал?

– Я хочу есть. Ты замечала, что на кладбищах всегда хочется есть?

– Это от травки. Пройдет. Нам остался Пруст, Бальзак, Мольер, Лафонтен...

– Выбери кого-нибудь одного.

– Я выбираю не обедать.

– Давай хотя бы выпьем где-нибудь вина, а потом снова вернемся к твоим покойникам.
– Я вдруг подумала...
– О чем?
– Помнишь, под какой ливень мы вчера попали?
– Это было романтично.
– Рядом стоял бездомный. У него не было зонта. Он промок до нитки, но ему как будто было все равно.

Илья вспомнил бродягу, придавленного дождем, его жалкие, не смотрящие никуда глаза и бурые пальцы в обрывках газеты.

– Да, я тоже его заметил. К чему это ты?
– Мне кажется, я на него похожа.
– Ты немного симпатичнее.
– Я иногда стою, не в силах пошевелиться. И мне все равно.

Илья молчал. Ему не хотелось больше шутить. Он приготовился к тяжелому разговору, почесал холку и сказал как бы про себя:

– Ты не всегда будешь чувствовать эту слабость.
– Нет-нет, теперь я больше ее не чувствую!
– Но ты сказала...

– Дома я только и делала, что спала. Как кошка. И кофе не брало. А тут... Знаешь, я увидела этого беднягу и подумала, что я такая же. Но что-то изменилось, когда мы прилетели в Париж.

– Утром ты говорила, что ни на что не способна.
– Минутная слабость. Я поняла, что не хочу быть похожей на старика под дождем. Будто кто-то включил свет и разбудил меня.

– Ты сама себя разбудила, – сказал Илья.
– Неважно. У меня появились силы, – Саша закивала, радуясь своему открытию. – Много сил!

– Вот и не трать их понапрасну, – сказал Илья.
– Обязательно потрачу! Сегодня же! – глаза ее зажглись нетерпением. – Пойдем! Ну? Саша подхватила юбку и взбежала по лестнице, ведущей к античному мавзолею.

Весь новый день она была полна свежести, точно вскрылось секретное дно и под ним забил живительный ключ. Сегодня же они оказались в Лувре и на колесе обозрения, гуляли по парку Тюильри, истоптали Латинский квартал. Решимости в ее шаге становилось все больше, Саша была одержима превращением и праздновала победу над прошедшей тоской.

Так миновала неделя. Они уже не осматривали Париж, они жили в Париже. Здоровались с ветхой соседкой, пили вино на завтрак, не стеснялись раскрытых окон и штор: ему даже запомнилась фраза – когда он ходил голый и уставший по квартире в поисках своего бокала, Саша, обернувшись в простыню и нежно раскрасневшаяся, сказала: «Меня возбуждает твоя звериная голожопость». И даже когда у нее следом заболело горло, и Илья был, конечно, виновен, что оказался заражен, – даже в болезни она была счастлива и весела.

Они истоптали Монмартр так, что могли подсказывать дорогу туристам. Они изучили купол Сакре-Кёр со всех сторон, и теперь из окон мансарды он виделся всегда ясно.

Однажды, проснувшись от стука баскетбольного мяча, Илья заставил Сашу спуститься вниз. Они перешли улицу и постучались в пластиковые ворота спортивной площадки.

– Познакомься, это Юго, – сказал Илья.
– Bonjour! – сказала Саша.

Юго поднял ладонь вместо приветствия и пропустил их. Баскетбольное поле показалось Саше намного больше, чем виделось с балкона. Юго обтер мяч рукавом толстовки, сжал его,

будто проверяя на упругость, и бросил Саше. Она встала под корзину, подняла мяч над головой, потом поднесла его к подбородку и поглядела с прицелом на кольцо.

– Нет! Я не умею! – она засмеялась и обняла мяч.

Юго по-лошадиному фыркнул.

– Я правда не умею! Apprends-moi à jouer au basket!⁵

Юго с удивлением поднял плечи.

– Lancez juste, madame!

– Просто бросай, – повторил Илья. – У тебя получится.

Саша повернулась к корзине, долго смотрела на нее, держа мяч у груди. Наконец она сжалась, а после сделала бросок. Мяч ударился о щит, заплясал над кольцом и с приятным лязгом нырнул в сетку.

⁵ Apprends-moi à jouer au basket! – Научи меня играть в баскетбол! (фр.)

7

Руднев свернул с трассы и ехал пустой дорогой. На высоком нежно-голубом небе стояли облака. С ровным гулом неслись за окном тын леса. Илья глядел поверх дороги. Мысли его тоже неслись и гудели, и он не мог выбрать какую-то одну. Думалось о том, что он не найдет нужного места, нет у него никаких примет, кроме неточных координат и путаных свидетельств Дарьи. А что, если найдет? Что тогда? Не в кустах же дожидается вся скорбная родня. И есть ли вообще она? Есть ли хоть кто-то, кто знал бы мальчишку?

О многом он успел передумать, когда навигатор предупредил о точке прибытия. Руднев снизил скорость. Он искал глазами улики недавней аварии. Дорога была чиста и так же спокойна. Машина двигалась все медленнее, словно педаль газа противилась и сама отстраняла ботинок. Вдруг на встречной полосе что-то блеснуло. Руднев остановился, чтоб присмотреться, и увидел, что это всего-навсего дрожит лужица в дорожной выбоине. Он проводил ее взглядом. Закралось, что Дарья дала ему неверный адрес и теперь он дураком колесит по лесам и всматривается в лужи. Так, казалось, и было, пока он не заметил впереди на асфальте тормозные следы. Не доезжая метров десяти, Руднев оставил машину на обочине и подошел к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.